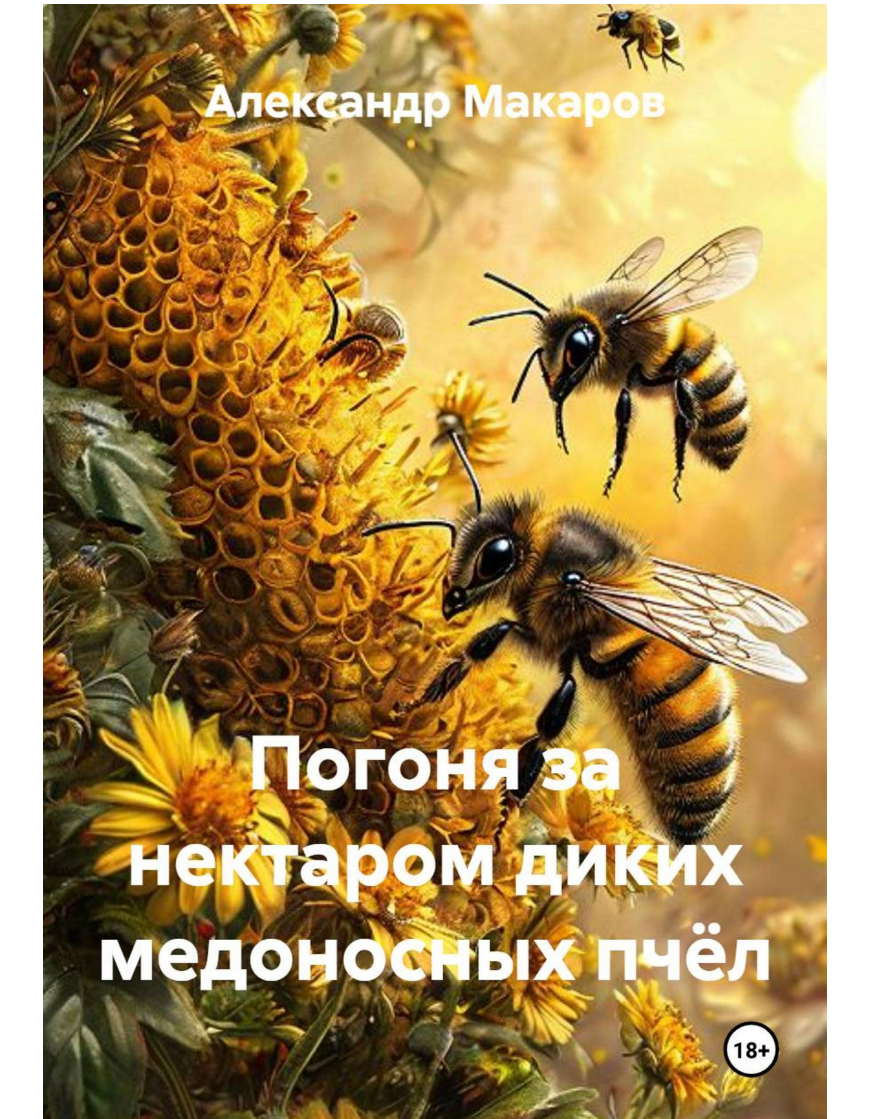

Александр Макаров

**Погоня за
нектаром диких
медоносных пчёл**

18+

Александр Макаров

Погоня за нектаром диких медоносных пчёл

<https://litres.ru/74192404>

SelfPub; 2026

Аннотация

Олицетворение сладости просветления и накопление мудрости. Нектар привлекает диких медоносных пчёл, духовная истина привлекает искателей. Подчёркивает терпение и притягательность поиска истины. Я решил отправиться на его поиски.

А. А. Макаров

Содержание

Как всё начиналось	4
Первый шаг в мир бортничества	5
Поиски пчелиного гнезда	8
Первый сбор нектара	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Макаров

Погоня за нектаром диких медоносных пчёл

Как всё начиналось

Я начинал этот путь с простой мечты — увидеть, как живут дикие пчёлы, прикоснуться к древнему ремеслу бортничества, попробовать на вкус ту самую лесную сладость, о которой слышал в рассказах. Но постепенно мечта переросла в нечто большее: это стало диалогом с природой, уроком терпения и бережности, попыткой услышать голос мира, который говорит тихо — через гул крыльев, через запах смолы, через паузы между звуками дождя.

И чем глубже я погружался в этот мир, тем отчётливее понимал: в центре всего — пчела. Крошечное существо, чьи крылья, казалось бы, не способны удержать такой огромный смысл, на деле держат на себе куда больше, чем мы привыкли думать. Она — тонкая нить, связывающая цветы и деревья, лес и человека, прошлое и будущее. А бортничество — это не про добычу, это про умение идти рядом с природой, не нарушая её ритма, и про ответственность за хрупкий баланс, в котором живёт всё живое.

Первый шаг в мир бортничества

Всё началось с мечты — с того тихого, но настойчивого зова, который порой звучит где-то на самой кромке сознания. Я всегда восхищался пчёлами: их неутомимым, размеренным трудом, тем, как из мимолётных касаний к цветам они творят густую, солнечную сладость мёда. В их жизни было что-то завораживающе правильное — будто сама природа показала человеку пример того, как строить порядок из тысяч крошечных, но точных движений.

Однажды я услышал о бортниках — людях, которые умеют находить дупла диких пчёл и собирать мёд, не разрушая пчелиные семьи. Это показалось мне не просто ремеслом, а настоящим искусством — таким же древним, как первые тропы в лесу, и таким же мудрым, как сам лес. В этом слышалось уважение к природе, умение идти рядом с ней, а не напролом.

Прежде чем отправиться в лес, я погрузился в изучение всего, что связано с дикими пчёлами, — словно готовился к долгой и важной экспедиции. Я читал научные статьи, где сухие факты соседствовали с тончайшими наблюдениями, и этнографические заметки, в которых сквозь строчки проступали голоса прежних времён. Я изучал, как ведут себя пчёлы в разные сезоны, как выбирают место для гнезда — почему порой селятся высоко в дуплах старых деревьев, а иногда

ищут укромные щели на опушках. Запоминал растения, которые они чаще всего посещают: душистый кипрей, золотистый донник, терпкий чабрец, — и в мыслях уже видел, как эти цветы складываются в невидимые тропинки, по которым пчёлы возвращаются домой.

Мой путь начался с книг, потом — с поисков опытных наставников. Встречи с ними были как уроки тишины: они редко говорили много, но каждое их слово ложилось точно в цель. Я учился слушать не только слова, но и паузы между ними — так же, как нужно учиться слушать лес. Постепенно от теории я перешёл к делу: начал мастерить колоды для пчёл. Дерево в руках будто оживало: запах свежей стружки смешивался с воспоминаниями о старых бортях. Я старался вложить в каждую колоду то, что подмечал в природе: форму дупла, его глубину, направление летка — всё, чтобы пчёлам было так же уютно, как в родном лесу. Ведь каждая колода — это не просто «дом», это попытка воссоздать для пчелиной семьи те условия, в которых она сможет жить и трудиться, поддерживая равновесие экосистемы.

А потом настал черёд собирать снаряжение — и список получился внушительным. Защитный костюм, дымарь, контейнеры, нож, карта, аптечка, страховочный ремень, запас воды и еды... Но важнее всего было внутреннее состояние: собранность, терпение, готовность не брать лишнего. Потому что в мире бортничества каждый шаг — это часть большого диалога с природой, где пчела — не объект, а собесед-

ник, а лес — не фон, а живой участник.

И когда всё было готово, я вдруг понял: сам этот путь — от первой мечты до собранного рюкзака — уже и был первым шагом в мир бортничества. Это было не просто обучение ремеслу, а медленное, вдумчивое вхождение в древний диалог человека и природы, где каждое действие должно быть взвешенным, а каждое решение — продиктовано уважением к жизни, что куда меньше и хрупче твоей, но при этом — неизмеримо мудрее.

Поиски пчелиного гнезда

Дикие пчёлы не знают ни рамок, ни ульев на пасеках. Их дома — тайные, скрытые от посторонних глаз гнёзда в дуплах старых деревьев, часто на высоте от пяти до пятнадцати метров — там, где ветер гуляет свободнее, а мир внизу кажется чуть нереальным. В этих убежищах, высланных воском и наполненных густым, тягучим гулом, живёт их особая, лесная жизнь — мудрая, размеренная и бесконечно далёкая от суеты.

Чтобы найти такое гнездо, нужно стать терпеливым, как сама природа, и наблюдательным, как тот, кто учится читать знаки мира. Ведь пчёлы — это индикаторы здоровья экосистемы: они выбирают места, где есть разнообразие цветов, чистый воздух, тишина и покой. Там, где лес болен или нарушен, их маршруты меняются, их семьи слабеют, а порой и вовсе исчезают.

Мои методы поиска складывались постепенно. Отслеживание полёта: я выбирал место, где воздух будто звенел от движения крыльев, и следил за направлением возвращения пчёл. Они не любят лишних манёвров: к гнезду летят по кратчайшему пути, словно невидимая нить тянет их домой. Порой казалось, что эти нити сплетаются в тонкую, мерцающую сеть над лесом — и если долго смотреть, то можно уловить, куда она ведёт.

Затем — поиск дупел. Я осматривал старые деревья, особенно дубы и липы: их кора хранила следы долгих лет. Моё внимание притягивали любые отверстия, но не каждое становилось домом для пчёл. Нужно было искать признаки жизни: капельки воска, похожие на застывшие слёзы янтаря; следы пыльцы, что оседала на коре, словно лёгкая золотистая пудра; иногда — маленький ворох мусора у основания ствола. Всё это были следы той непрерывной работы, благодаря которой держится лесная экосистема: опыление, сохранение биоразнообразия, поддержание баланса между растениями и животными.

Ещё один способ — прислушивание. Гудение улья слышно издалека: низкий, ровный, вибрирующий звук, будто кто-то тихонько тронул струну огромного инструмента. Чем громче он становился, тем ближе было гнездо. Иногда я закрывал глаза и просто слушал, позволяя звуку вести меня. В такие минуты лес словно раскрывался шире: я слышал не только гул пчёл, но и шорох еловых лап, и далёкий крик птицы, и собственное дыхание, которое невольно становилось тише.

И, конечно, наблюдение за растениями. Пчёлы не летают наугад: у них есть свои любимые цветы, свои «хлебные» места. Липа, клевер, иванчай, зверобой — всё это были вехи на невидимой карте пчелиных маршрутов. Я искал участки с обилием таких растений, высматривал, где над цветами воздух особенно густ от движения крыльев. Ведь каждый цве-

ток, который опыляет пчела, даёт семена, плоды, пищу для птиц и зверей — и так, шаг за шагом, крошечное насекомое поддерживает огромную, живую сеть жизни.

Поиски гнезда заняли несколько недель. Были дни, когда казалось, что лес хранит свою тайну слишком надёжно. Но потом наступали другие дни — те, когда терпение начинало приносить плоды. Однажды утром я увидел то, чего ждал так долго: пчёлы обильно летали прямо к старому дубу у опушки леса. Их было много — целая живая река, струящаяся к одному месту.

Я подошёл ближе и стал внимательно осматривать дуб. На высоте около пяти метров я заметил небольшое отверстие — леток. Рядом виднелись следы воска — тонкие, полупрозрачные наплывы. Чуть ниже на коре осела лёгкая золотистая пыльца, а у основания ствола я разглядел крошечные обломки, которые пчёлы вынесли наружу. Всё указывало на то, что в дупле живёт пчелиная семья — большая, сильная, давно обжившая свой лесной дом.

В ту минуту я стоял под этим дубом и чувствовал, как лес будто признал меня: не как чужака, а как того, кто пришёл с уважением и терпением. Я не спешил тревожить пчёл — просто стоял и слушал их ровный, низкий гул, который, казалось, шёл не только из дупла, но и из самой глубины дерева, из его корней, из земли под ногами. Это был голос жизни — тихий, настойчивый, древний. И я понял: найти гнездо — это не просто отметить точку на карте. Это значит услышать,

как бьётся сердце леса, и на мгновение стать его частью.

Первый сбор нектара

Ранним утром, когда лес ещё хранил ночную прохладу, а воздух был прозрачным и звонким, я подошёл к дереву. Сердце забилось быстрее — не от страха, а от того особого волнения, когда ты стоишь на пороге важного дела и понимаешь: сейчас всё должно сложиться так, как надо, без суеты и спешки. Это был не просто сбор мёда — это был мой первый настоящий разговор с пчелиной семьёй на её условиях, в её доме.

Перед этим днём я готовился долго и тщательно. Я изучал поведение пчёл, запоминал, в какую погоду они спокойнее, как реагируют на дым, на резкие движения, на запахи. Снова и снова проверял снаряжение. Я выбрал подходящий день: безветренный, с ровной температурой около двадцати градусов цельсия — в такую пору пчёлы трудятся охотно, но не становятся агрессивными. Надел защитный костюм, проверил, чтобы нигде не осталось ни малейшей щели. Взял с собой антигистаминное средство — не из страха, а из уважения к силе природы: лучше быть готовым, чем беспечным.

Медленно, без резких движений, я начал подниматься по стволу. Страховочный ремень надёжно удерживал меня, но важнее была собранность: здесь нельзя было торопиться. Добравшись до нужного места, я направил струю дыма в дупло. Сначала пчёлы заволновались, но постепенно, под действи-

ем дыма, они стали двигаться медленнее. В этом есть своя мудрость: дым напоминает им о лесном пожаре — и вместо того, чтобы бросаться на защиту, они инстинктивно набирают в зобики мёд и становятся менее агрессивными.

Когда гул стал ровнее, я осторожно открыл дупло. Внутри было темно, и поначалу глаза не могли различить деталей. Постепенно зрение привыкло, и я разглядел соты: они тянулись вниз, словно застывшие волны, покрытые живым ковром из пчёл. В этой картине было что-то древнее и незблемое — как будто я заглянул в самое сердце природного порядка, где каждая ячейка имеет своё место, а каждый звук — свой смысл.

Аккуратно, стараясь не повредить гнездо и не тревожить семью больше необходимого, я срезал нижнюю часть сот. Нож мягко прошёл по восковым граням, и соты поддались — не с хрустом, а с едва слышным, тягучим звуком, похожим на тихий вздох. Мёд был тёмным, почти густого каштанового оттенка, и от него шёл насыщенный аромат — не просто сладкий, а сложный, многослойный: луговые травы, смола, отдалённый запах нагретой солнцем коры. Казалось, в этой капле собраны все запахи леса, все его времена года.

Я бережно положил соты с мёдом в контейнер, плотно запечатал крышку — словно закрыл маленькую шкатулку с сокровищем — и начал спускаться вниз. Пчёлы почти не реагировали: дым сделал своё дело, и они продолжали заниматься своими делами, восстанавливая порядок в доме. Я

оставил верхнюю часть гнезда нетронутой — именно там хранились их зимние запасы. Ведь пчелиная семья должна пережить холода и вновь встретить весну своим ровным, неутомимым трудом. В этом и есть суть гармонии с экосистемой: брать ровно столько, сколько можно позволить себе взять, не нарушая будущего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.